

The image is a book cover for 'Эн Хеду'. It features a central illustration of a young woman with long, dark, wavy hair and striking, glowing green eyes. She is wearing a black, lace-trimmed spaghetti-strap top and is holding a single, dark black rose with both hands in front of her chest. The background is dark and atmospheric, with a large, dark silhouette of a man's head and shoulders on the right side, looking towards the left. The overall mood is mysterious and gothic. The title 'Эн Хеду' is written in a black, serif font at the top center. At the bottom center, the word 'ГАБИТУС' is written in a large, bold, red serif font. In the bottom right corner, there is a white circular icon containing the text '18+'.

Эн Хеду

ГАБИТУС

18+

Эн Хеду Габитус

<https://litres.ru/74024198>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Калабинске затаился ужас: найдена жестоко убитая девушка и, ходят слухи, что у нее вырвано сердце...

Но как бы ни была страшна тьма, жизнь продолжается. У юной Ники все впереди. Она мечтает, учится, дорожит друзьями, а когда в их ВУЗе появляется таинственный студент, чувствует необъяснимое притяжение к нему. Однако стоит ли верить своему сердцу? И что если тьма ближе, чем кажется?

Содержание

Глава 1	4
Пролог. В тени акаций	5

Эн Хеду Габитус

Глава 1

*«Если я пойду за тобой по шипам диких роз,
не убоюсь тени и собственных монстров,
станет ли благом твоя благодарность за глупую сме-
лость,
примешь ли ты меня, возьмешь ли за руку, чтобы найти
спасение или безжалостно бросишь в пропасть вечных кош-
маров?»*

Пролог. В тени акаций

Благими намерениями вымощена дорога в ад. Так говорят. Я всегда считал это выражение до невозможности нелепым, ведь представить себе, что намерение сделать лучше, правильнее, может обернуться поистине ужасающими последствиями очень трудно. О, если бы я только знал!

Если бы я знал, насколько безжалостны сожаления, как терзают они раненную душу каждую темную ночь и даже в самый светлый час, не зная ни сна, ни отдыха; как выжигает сердце пепел былой любви. Если бы я знал, как может быть жесток твой лик. Те ласковые глаза, зеленые, точно чарующий малахит, больше не смотрят с нежностью. Теперь взгляд полон укора. Это мой личный ад. И пусть. Все равно являйся мне, я не попрошу освобождения. Это лучше, чем пустота...

Май, 2026 г.

- Это она?

- Э-э-м, я провожу вас, - замялся паренек и отвел взгляд.

- Сюда, прямо к подножью Соловья.

Новоиспеченный младший лейтенант Сеньков, совсем еще мальчишка, торопливо развернулся и зашагал вперед, показывая дорогу. По обе стороны тропинки росли белоснежные акации. Они сплелись точно торжественные светозарные арки, воспевавшие оду смерти, и их медовый аромат

простирались чуть ли не на всю округу. Он так и не ответил мне – избежал расспросов. Они все так поступали. Все отводили взгляд и старались не высказывать предположений, хоть они и были очевидными, а если всплывали новые факты, то говорили робко, запинаясь, тщательно подбирая слова, словно меня постигла смертельная болезнь и в своей жалости, они не хотели причинить еще больше страданий.

Но мне не нужна жалость. Не нужно было, чтобы меня понимали, сочувствовали или преподносили суровую правду, завернутую в нежное пуховое одеяло. Я хотел только одного – найти ее. Я хотел этого больше, чем жаждущий в пустыне и эта жажда затмевала собой все остальное. Она превратилась в навязчивую идею, паранойю... Да, пожалуй, это действительно была болезнь.

Я следовал за провожатым. Он шел вперед прерывистым шагом и то и дело прочищал горло, будто его одолевала сухость - нервничал. Наши ботинки вязли в сырой, еще прохладной земле. Неподалеку в камышах шелестела тонкая речушка. Между густо торчащими стволами душистых деревьев сновали люди, мелькали вспышки камеры, фиксирующей место захоронения и прилегающую территорию, слышались споры. Чем ближе я приближался, тем сильнее будоражил кровь адреналин. До этого момента я считал, что уже готов услышать приговор, но оказалось, что это не так. Есть вещи, к которым просто невозможно быть готовым.

Наконец мы дошли до места. Территория вокруг ограни-

чена лентой. Я обогнул взглядом юношу впереди меня и увидел неглубокую яму, выкопанную в земле, заросшей травой. Над ямой сидела судмедэксперт со стажером. Сеньков развернулся. Он снова бросил этот раздражающий виноватый взгляд и не замедлил удалиться.

Я шумно втянул воздух, собрался с духом и подошел ближе. За несколько лет службы в полиции, я привык видеть и слышать такое, что и в фильмах ужасов не покажут, но эта яма в тени сладких акаций, эти обнаженные мраморные кости, выпирающие из земли, совсем другое дело. Их вид скручивал внутренности в тугой узел, больно сдавливал сердце. Несколько раз мне чудилось, что я вот-вот потеряю самообладание, но стойкость и выдержка, воспитанные с рождения отцом-военным, давали о себе знать. Я сжал кулаки так, что они онемели, и обратился к судмедэксперту.

- Это она? – мой голос прозвучал глухо.

- Я только начала осмотр, - ответила девушка, не поднимая головы. Похоже, что она избегала моего взгляда. Снова. – Да и после я тебе не скажу ничего конкретного, пока не поработаю с останками в лаборатории.

- Лар...

- Я не знаю!

- Лара!

Она наконец вскинула голову и ее черные кудрявые волосы открыли смуглое лицо. Девушка устало вздохнула. Раскопанные серые глаза умоляли: «пожалуйста, не заставляй меня».

- Дим, ты мой друг и я понимаю, правда...

- Не понимаешь, - резко оборвал ее.

- Хорошо! Я не понимаю! Я не знаю какого это жить в ожидании два года, искать ответы в ее дневнике, надеяться, с ума сходить от бессилия! Но прошу, наберись терпения. Еще немного.

- Терпения, - с сарказмом повторил я следом, нервно проведя рукой по отросшим волосам. – Похоже, что «терпение» - роковое слово, которое преследует меня.

Она снова посмотрела на меня и взгляд этот душил сочувствием. Невыносимо. Я повернулся и уставился на старый дом, что стоял по ту сторону речки, лишь бы не видеть, не чувствовать жалость. Казалось, что дом покачивался. Это не могло быть правдой, но мне и впрямь чудилось его осторожное дыхание, виделась в окнах необъяснимая глубина, будто где-то внутри пряталось нечто злое, вглядывалось в меня самого, посмеивалось.

Я снова повернулся к Ларе. Шумно выдохнул.

- Извини, я слишком давил. Просто скажи то, что можешь, что сказала бы, будь я это не я.

- Ладно, - Лара устало вздохнула. - Будь ты это не ты, я бы сказала, что останки принадлежат молодой женщине от семнадцати до двадцати пяти лет. Более точный возраст установлю только после того, как определю морфометрический коэффициент в лаборатории, но на вскидку, я бы предположила, что ей все же около двадцати.

Я сглотнул. Лара насторожилась, но я поспешил кивнуть в знак того, что владею собой и она продолжила:

- Рост средний. Конечности были связаны и если судить по глубоким трещинам и сломанным ребрам в левой части грудной клетки, то жертва получила сильный удар колющим предметом в сердце. Смерть наступила больше года назад. Точнее скажу позже.

- Понял, - сухо сказал я.

Возраст и рост совпадали. Так уже бывало. Все жертвы все еще непойманного маньяка были молодыми девушками вроде Ники, убитыми одним единственным ударом в грудь. Правда остальные находились гораздо быстрее и тогда люди, нашедшие тела, были шокированы видом пробитой груди и вынутого сердца.

Ника пропала в мае 2024 года, а значит временной промежуток также укладывался в характеристику Лары, не говоря уже о том, что кости нашли здесь, в городе, где мы выросли. Много ли еще пропавших без вести девушек могут претендовать на принадлежность останков их имени? Несколько, точно.

Я развернулся и споткнулся о препятствие, будто выросшее в одно мгновение из-под земли. Выругался. Присел рядом. Это был крупный камень, весь в грязи с какой-то надписью. Я вытер землю перчаткой. Буквы крупные, правильные, хоть и линии несколько дерганые – так пишут обычно дети. Перманентным маркером была сделана надпись: «ты на-

всегда останешься в моем сердце». Кому она принадлежала? Неужели кто-то давно знал об останках, что покоились тут?

Лара окликнула меня и отвлекла от мыслей. Она протянула зип-лок пакет, который свел к нулю всякую надежду. Я забрал улику, но еще до того, как она попала мне в руки, уже точно знал, что это было - серебряный браслет с пузатым сердечком, который подарил Нике перед отъездом. В отчаянии сжал веки, глаза будто обожгло. Сердечко тихо звякнуло. Я схватился за голову и опустился на корточки: захотелось выдрать собственные волосы вместе с кожей и стонать сквозь стиснутые зубы, как смертельно раненный зверь.